

Бектанова Айгуль Карибаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

О РОЛИ МЕНТАЛИТЕТА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация:

Проблема формирования гражданского общества приобрела особую актуальность в постсоветских странах после распада СССР. Важнейшим социокультурным фактором в становлении гражданского общества является уровень гражданской культуры как отдельной личности, так и общества в целом. Формирование гражданской культуры во многом зависит от социально-психологических, в частности ментальных, характеристик общества. Статья посвящена определению роли менталитета в процессе формирования гражданской культуры. Рассматривается типология культурных измерений голландского социопсихолога и антрополога Г. Хофстеде, в соответствии с которой выделяются шесть параметров, определяющих количественные характеристики национальных культур. Особое внимание обращается на первые два параметра – дистанцированность власти и избегание неопределенности, которые, по мнению автора статьи, являются одними из важнейших показателей уровня зрелости гражданской культуры общества. В заключение утверждается, что особенности менталитета в постсоветских обществах пока не способствуют активному формированию развитой гражданской культуры и зрелого гражданского общества.

Ключевые слова:

гражданская культура, гражданское общество, менталитет, ментальность, ментальные особенности, Г. Хофстеде, дистанцированность власти, избегание неопределенности.

Bektanova Aigul Karibaevna

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department of Philosophy,
Social and Political Sciences,
Kyrgyz-Russian Slavic University

THE ROLE OF MENTALITY IN THE DEVELOPMENT OF THE CIVIC CULTURE

Summary:

The problem of the civil society development after the collapse of the Soviet Union was of particular relevance to the post-Soviet countries. The level of the civic culture of both an individual and society is the most important social and cultural factor in the establishment of civil society. The civic culture development largely depends on the social and psychological, in particular, mental characteristics of society. The purpose of the study is to identify the role of mentality while forming the civic culture. The types of cultural dimensions according to the Dutch social psychologist and anthropologist G. Hofstede are considered. There are six dimensions that determine the quantitative characteristics of national cultures. The author focuses on power distance and uncertainty avoidance that demonstrate the maturity of the civic culture in the society. Based on these studies, the research concludes that the peculiarities of the mentality in the post-Soviet societies have not yet contributed to the intensive establishment of a developed civic culture and a mature civil society.

Keywords:

civic culture, civil society, mentality, mind-set, mental characteristics, G. Hofstede, power distance, uncertainty avoidance.

В последние четверть века особую актуальность на постсоветском пространстве приобрела проблема формирования гражданского общества. Гражданское общество – плод совместного творчества общества и культуры. Его формирование есть проблема не только экономическая и политико-правовая, но и духовная, социально-психологическая и идеологическая, нравственная и эстетическая, религиозная и педагогическая, осмысляемая так или иначе искусством и теоретической гуманитарной мыслью [1, с. 51]. Духовная составляющая указанной проблемы тесно связана с формированием гражданской культуры индивидов и общества в целом.

Становление развитой гражданской культуры – достаточно длительный процесс, который зависит как от социально-экономических и политических, так и от социокультурных и социально-психологических факторов, влияющих на развитие общества. В связи с этим целесообразно заострить внимание на ментальных аспектах формирования гражданской культуры, ведь во многом указанный процесс зависит от господствующего в обществе менталитета. Это отмечали еще родоначальники теории гражданской культуры Г. Алмонд и С. Верба. Они указывали на различия в содержании гражданских культур не только Британии и США и стран континентальной Европы, а также в странах внутри самой континентальной Европы, но и Британии и США, которые, по мнению авторов, являются классическими образцами гражданской культуры [2, с. 178–180]. Различия эти, как полагают исследователи, были обусловлены национальной историей и социальной структурой исследуемых стран. А как известно, глубинной социально-психологической основой

общественного развития выступает менталитет. На постсоветском социогуманитарном пространстве существенную роль менталитета в процессе формирования гражданской культуры отмечают многие исследователи [3]. В частности, С.Н. Соломатова утверждает: «На процесс становления российского гражданского общества значительное влияние оказывает менталитет, общественное сознание, традиционно характерное для россиян» [4, с. 111].

Понятие «менталитет» вошло в употребление сравнительно недавно, и это обстоятельство, безусловно, является одной из причин множества подходов к его толкованию. Из всего многообразия определений выделим два. Первое принадлежит Р.А. Ханаху, определяющему менталитет как «специфические, культурно определенные и социально закрепленные стереотипы поведения, существенным образом отличающие одни модели поведения и мышления от других; систему иерархически соподчиненных приоритетов и ценностей, способную преобразоваться в культурно-психологические и культурно-поведенческие автоматизмы» [5, с. 166].

Второе, более широкое определение дал А.А. Айтбаев. Под менталитетом он понимает «обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания субъекта, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой устойчивую совокупность социально-психологических качеств и черт, их органическую целостность (менталитет россиян, немцев, англичан и т. д.), определяющих многие стороны жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике их государственности и различных общественных отношениях» [6, с. 94].

Полагаем, что указанные определения вместе наиболее полно «схватили» сущность данного феномена.

Как известно, менталитет – наиболее устойчивая и длительная структура общественного развития. Применяя к нему характеристику типов исторического времени Ф. Броделя – представителя исторической школы «Анналов», одной из первых начавшей исследование проблем менталитета, менталитет можно отнести к феноменам «большой длительности». Именно такие феномены, с точки зрения французского историка, определяют развитие человечества [7, р. 48].

Ментальность формируется под воздействием различных факторов эндогенного (естественно-географические, социально-экономические, политические, социокультурные, технологические и др.) и экзогенного (генетические, биопсихические) характера, которые во многом задают временные рамки его «длительности». Так, естественно-географические, генетические и биопсихические детерминанты лежат в основе своеобразного ядра менталитета – малоподвижной константы, практически не меняющейся в течение тысячелетий. Вокруг него возникает более подвижная оболочка, меняющаяся в зависимости от внешних условий, к которым относятся социально-экономические, политические, социокультурные трансформации. Они и определяют динамику менталитета. В свою очередь менталитет может непосредственно воздействовать на указанные процессы, ускоряя или замедляя их. Это относится и к процессам формирования гражданской культуры.

С середины прошлого века западные социологи, психологи и антропологи стали проводить эмпирические исследования ментальных особенностей различных культур. Для их сравнения были разработаны различные методики. Наибольшую популярность получила типология культурных измерений голландского социопсихолога и антрополога Герта Хофстеде. На протяжении более чем сорока лет начиная с 1970-х гг. он проводил кросс-культурные исследования, целью которых было сравнение количественных характеристик культур в разных странах. Опираясь на базу данных по ценностям, собранную американской технологической и консультационной корпорацией IBM в пятидесяти странах, а также на исследования американских социологов А. Инкелеса и Д. Левинсона, канадского психолога М.Х. Бонда и болгарского социолога М. Минкова, голландский ученый разработал теорию измерений культур. Результаты исследований он опубликовал в работе «Последствия культуры» в 1980 г. и в книге для студентов «Культуры и организации: программирование сознания» (2010), соавторами третьего издания которой стали его сын Г.Я. Хофстеде и болгарский социолог М. Минков. Г. Хофстеде выделил шесть параметров, определяющих количественные характеристики национальных культур, каждый из которых он оценивал по шкале от 1 до 120 [8, с. 18–19].

Нас интересуют первые два параметра. Именно они, на наш взгляд, являются одними из показателей уровня зрелости гражданской культуры общества. Первый параметр – «дистанцированность власти», согласно Г. Хофстеде, «определяется как степень, с которой облеченные меньшей властью члены организаций и институционализированных групп (например, семьи) принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства» [9, с. 20–21]. В большинстве стран реальной демократии данный показатель низкий (Австрия, Дания, Голландия, Новая Зеландия,

Швеция, США, Германия). Жители этих стран уверены, что имеют одинаковые гражданские права с властью имущими, и воспринимают это как вполне закономерное явление. В случае ущемления своих прав они открыто выражают свои требования, проявляют активную гражданскую позицию, инициативу и ответственность. Культурам с высоким показателем дистанцированности власти (арабские страны, страны Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы) характерно преклонение перед властью, восприятие ее как необходимого условия своего существования.

Второй параметр – «избегание неопределенности» – показывает, «в какой степени та или иная культура задает своим членам ощущение спокойствия либо беспокойства в нерегламентированных ситуациях» [10, с. 22]. Под «нерегламентированными ситуациями» Г. Хофстеде понимает нечто новое, ранее не встречавшееся, непредвиденное. Культуры с высоким показателем избегания неопределенности стараются не допустить возникновения таких ситуаций. С этой целью они строго регламентируют нормы поведения, вводят всевозможные нормы и законы, пресекающие нежелательные отклонения. Для культур, допускающих возникновение неопределенности, характерны толерантность, плюрализм мнений, спокойствие, самоконтроль и открытость для перемен.

В странах постсоветского пространства, кроме республик Прибалтики и России, исследования не проводились. По двум рассмотренным параметрам Россия входит в пятерку аутсайдеров (93 балла по индексу дистанцированности власти и 95 – избегания неопределенности). Количественные показатели уровня дистанцированности власти и избегания неопределенности у России свидетельствуют о том, что современное состояние менталитета российского общества пока не способствует активному формированию развитой гражданской культуры. Как справедливо отмечает О.В. Омеличкин, «сейчас можно говорить только о ее начальном уровне, который характеризуется преобладанием “парохиально-подданических” ориентаций в политике» [11, с. 79]. Данные показатели и характеристики в той или иной мере характерны для большинства постсоветских стран, в том числе и для Кыргызстана, ведь огромную роль в становлении современной ментальности в них сыграло сосуществование в рамках Российской империи и Советского Союза. Так, Г.Г. Дилигенский, указывая на антиномичность взглядов россиян на свободу личности, справедливо отмечает: «Мы обнаруживаем здесь антиномию, характерную для постсоветской ментальности: ей присуще стремление сохранить одновременно и свободу, и несоместимые с ней формы безопасности, социальной защищенности» [12, с. 13].

Исследования гражданской культуры в Кыргызстане показывают, что для основной массы электората характерна культура, в которой значительно преобладают стереотипы патриархальной и подданической политических культур над установками партиципаторной культуры участия. Это свидетельствует о значительном влиянии ментальных установок, сформировавшихся в течение досоветской и советской истории кыргызов, на формирование гражданской культуры современного кыргызстанского общества. В частности, «родимым пятном» современного кыргызстанского социума стали трайбализм, клановость и nepотизм, вышедшие из недр патриархально-феодального общества и закрепившиеся у кыргызов на ментальном уровне. Если в далекие исторические времена родо-племенные отношения были главным фактором сохранения этнической целостности и самостоятельности кыргызов в пространственно-временном континууме, а в современной истории кыргызов на местном уровне они стали институтом самоорганизации, играющим важную роль в социально-экономической и культурной жизни сельских жителей, то на общенациональном уровне, особенно в политической жизни, эта роль становится негативной. Это препятствует формированию гражданской культуры населения, а следовательно, тормозит процессы становления гражданского общества.

В то же время следует отметить, что такие составляющие гражданской культуры кыргызов, как экологическая и правовая культура, присутствуют у них на ментальном уровне в качестве архетипа этноэкологического и правового сознания. Поэтому так важно обращение к этноэкологическим и правовым традициям кыргызских кочевников, их возрождение и дальнейшее развитие. Такие особенности советского менталитета, как интернационализм, солидарность и гуманизм, также способствуют формированию гражданской культуры личности.

Таким образом, ментальные особенности самым непосредственным образом влияют как на содержание, так и на интенсивность формирования гражданской культуры. От того, какие ценности, предпочтения, стереотипы преобладают в менталитете народа, зависит уровень зрелости его гражданской культуры. Положительные и рациональные ценности, убеждения и модели поведения способствуют формированию более высокого уровня гражданской культуры, тогда как негативные стороны, присутствующие в менталитете, снижают ее уровень.

Ссылки:

1. Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 47–61.

2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М., 2014. 500 с.
3. Никольский С.А. Ментальность и становление гражданского общества в России (по поводу недавних работ В. Кантора и А. Кончаловского) // Человек и культура в становлении гражданского общества в России : материалы 2-й Всерос. конф. «Проблемы российского самосознания». М., 2008. С. 37–49 ; Резник Ю.М. Гражданское общество как социокультурный феномен: теоретико-методологическое исследование : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998. 127 с. ; Соломатова С.Н. Влияние особенностей российского менталитета на процесс формирования гражданского общества в России // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). Июль – август. С. 111–114 ; и др.
4. Соломатова С.Н. Указ. соч. С. 111.
5. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. 194 с.
6. Айтбаев А.А. Сущность, содержание и значение понятий «менталитет» и «ментальность» // Известия вузов Кыргызстана. 2015. № 9. С. 91–95.
7. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris, 1969. P. 44–83.
8. Хофстеде Г. Параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
9. Там же. С. 20–21.
10. Там же. С. 22.
11. Омеличкин О.В. Гражданская культура России: проблемы формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62), т. 2. С. 76–80.
12. Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый: личность в постсоветском обществе // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 5–15.

References:

- Almond, G, Verba, S & Gendel, E (transl.) 2014, *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Moscow, 500 p., (in Russian).
- Aytbaev, AA 2015, 'The essence, content and meaning of the terms 'mentality' and 'mind-set'', *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*, No. 9, pp. 91-95, (in Russian).
- Braudel, F 1969, 'Histoire et Sciences sociales. La longue durée', *Ecrits sur l'histoire*, Paris, pp. 44-83, (in French).
- Diligensky, GG 1999, 'Old and new individualism: personality in the post-Soviet society', *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, No. 3, pp. 5-15, (in Russian).
- Hanahu, RA 1997, *Traditional culture of the North Caucasus: challenges of time (social and philosophical analysis)*, Maykop, 194 p., (in Russian).
- Hofstede, G 2014, 'Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context', *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*, No. 12, pp. 9-49, (in Russian).
- Kagan, MS 2000, 'Civil society as a cultural form of the social system', *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, No. 6, pp. 47-61, (in Russian).
- Nikolsky, SA 2008, 'The mentality and the establishment of civil society in Russia (concerning the recent works of V. Kantor and A. Konchalovsky)', *Chelovek i kul'tura v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva v Rossii: materialy 2-y Vseros. konf. "Problemy rossiyskogo samosoznaniya"*, Moscow, pp. 37-49, (in Russian).
- Omelichkin, OV 2015, 'Civic culture of Russia: development problems', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 2 (62), vol. 2, pp. 76-80, (in Russian).
- Reznik, YuM 1998, *Civil society as a social and cultural phenomenon: theoretical and methodological research*, D. Phil. thesis, Moscow, 127 p., (in Russian).
- Solomatova, SN 2007, 'Impact of the peculiar Russian mentality on the process of the civil society formation in Russia', *Omskiy nauchnyy vestnik*, No. 4 (58), July-August, pp. 111-114, (in Russian).